

Время действия изменить можно

Культура. — 2005. — 15-21 сент. — 9-13

Накануне премьеры “Нормы” в Новой Опере корреспондент “Культуры” встретилась с постановщиками спектакля Йосси ВИЛЕРОМ, Серджи МОРАБИТО и художником Анной ФИБРОК и задала им ряд вопросов.

— Почему вы решили изменить время действия оперы?

Йосси Вилер. Мы очень мало знаем о времени, когда происходит действие “Нормы” (это 50-й год нашей эры), и пытались найти ассоциации, которые были бы всем понятны. Первые ассоциации, которые возникли в начале работы: страна, оккупированная захватчиками. И женщина, Норма, которая в жестокое военное время сохраняет верность своим идеалам. Мы решили, что Галлия станет Францией времен Второй мировой войны, оккупированной немцами или американцами. Мы вспоминали итальянские фильмы времен неореализма и Анну Маньяни (у Нормы точно такая же прическа).

Анна Фиброк. Эта музыка не имеет ничего общего с чувствами людей, живших в 50-м году нашей эры. Беллини жил в XIX веке и отображал чувства и эмоции своих современников. Мы не стремились к исторической точности: оперный материал всегда условен, придуман, и нельзя требовать от него стопроцентной достоверности.

И.В. “Норма” — история, не имеющая точной исторической подоплеки. Поэтому мы создали на сцене сюрреалистический мир, вызываю-

щий совершенно разные ассоциации. В спектакле есть друидический ритуал обрезания омелы, а Норма живет и работает в католической церкви. Исследователь творчества Беллини пишет, что, когда зрители увидели священнику, которая с помощью магической силы предотвратила восстание мужчин, они не понимали, как к этому относиться (Норма в некоторых статьях критики того времени называли “галльским папой”). Мы хотели, чтобы у современных зрителей Норма тоже вызвала неоднозначное ощущение.

И.В. В то же время опера Беллини не потеряла актуальности. Ее главная героиня — женщина, которая сохраняет свои матриархальные ценности и противопоставляет их жестокому, мужскому, патриархальному обществу. Норма только внешне защищает интересы верховного бога войны Ирминуса (это мумия забальзамированного воина, который лежит на каталке). На самом деле она верит в богино Луны, богино плодородия, материнства и мира. Норма существует во взаимодействии с миром мужчин, воинов и пытается ему противостоять. Ей все время приходится убеждать, сопротивляться, порой идти на открытый конфликт. Ситуации, в которые вовлечена Норма, напоминают о конфликтах, с которыми приходится сталкиваться современным женщинам.

— Почему в вашем спектакле Норма не сгорает на костре и Поллион не идет на костер вслед за ней?

Серджи Морабито. Такой финал — прекрасный пример ложной оперной

С. Морабито и Й. Вилер

традиции. Для того чтобы от нее избавиться, достаточно внимательно прочесть текст либретто. О костре вспоминают как о наказании для ступицы, но никто его на сцене не разжигает (Беллини вообще не любил убийств у Нормы пролития на сцене). Поллион поет: “Давай вместе умрем”, но это уступка Беллини романтическому взгляду на любовь. Поллион просит у Нормы прощения, она отвечает: “Ты потерял меня навсегда”. И дальше, забыв о Поллионе, умоляет Оровеза позаботиться о ее детях. В финале Норме накидывают на голову черный капюшон и уводят ее.

— Во время репетиций у режиссеров часто возникают конфликты с дирижером. Вам не приходится с этим сталкиваться в Новой Опере?

С.М. В Москве в отличие от Штутгарта, Зальцбурга и других оперных столиц серьезно относятся к работе режиссеров. Феликс Коробов во время оркестровых репетиций разрешил мне останавливать оркестр и делать замечания певцам, такого в оперном театре в принципе не бывает.

— Вы всегда переносите свои спектакли в современный контекст?

И.В. Мы делаем спектакли для современных зрителей и о современности. Ведь композиторы и либреттисты писали оперы для своих со-

временников. Думаю, что, когда Верди говорит в “Дон Карлосе” об испанской инквизиции, его не очень интересуют события трехсотлетней давности. Он рассказывает о современной ему Италии, политических свободах и политической системе.

С.М. Мы всегда рассказываем истории о людях. Нам удалось сделать это в “Зигфриде”, избавившись от рабовых теорий, мании величия и всех остальных, связанных с этой оперой штампов. Первое действие происходит на уютной, холостяцкой кухне, и зрители сразу понимают, что Миме сам воспитал найденщика — Зигфрида. Это заставляет относиться к карлику с большим уважением, чем то предусмотрено Вагнером. Из кухни действие переносится на зараженную территорию, которую отображает забор из проволочной сетки, после этого в кабинет с младенческими игрушками, а потом в зал, который напоминает лабораторию, где искусственно выводят амазонок.

— С чего вы начинаете работу над оперой?

И.В. Мы слушаем музыку, читаем текст либретто, труды исследователей и воспоминания современников и много разговариваем, пытаемся понять смысл той или иной ситуации и ее значение для современного зрителя.

— Господин Морабито, вы по профессии драматург, но вместе с Йосси Вилером выпустили уже несколько спектаклей как режиссер. В чем особенности вашей совместной работы?

С.М. Я становлюсь режиссером, только когда мы работаем вместе с

Вилером. С другими режиссерами по-прежнему остаюсь драматургом. Мы всегда работаем не торопясь, у нас достаточно времени для того чтобы читать, исследовать, размышлять. Мне этого очень не хватает, когда я участвую в других проектах.

И.В. Раньше я был театральным режиссером и работал вместе с драматургом. Но когда я начал ставить оперы, оказалось, что все театральные инструменты и приемы для нее совершенно не годятся. Когда мы стали работать вместе с Морабито, у нас возник необыкновенный диалог. После третьей совместной постановки мы поняли, что мы не режиссер и драматург, а два человека, которые одновременно работают как драматурги и режиссеры. Серджи привносит в работу свои энциклопедические знания и прекрасный вкус. Мы все время находимся в диалоге и учим певцов быть естественными, проявлять свою индивидуальность. Нет ничего хуже, чем увидеть, что все певцы подражают режиссеру, копируя его жесты и движения. У нас есть еще один соавтор — художница Анна Фиброк. Мы всегда делаем наши спектакли втроем.

— Что вы собираетесь ставить в ближайшее время?

И.В. Мы будем ставить в Штутгарте оперу Глюка “Альцеста”, премьера состоится в апреле следующего года. А в ноябре покажем в Амстердаме премьеру трех опер цикла Моцарт — Да Понте: “Так поступают все”, “Дон Жуан” и “Свадьба Фигаро”.

Беседу вела
Ольга РОМАНЦОВА